

Николаев, В. О романе «Два капитана» [Текст] / Вл. Николаев // Каверин, В. Два капитана / В. Каверин. – М.: Машиностроение, 1984. - С. 671-679.

Итак, дочитана последняя страница романа. Целая эпоха прошла перед нами, мы познакомились с нелегкими судьбами многих людей, изображенных в нем. Повествование о долгих и трудных поисках следов экспедиции отважного капитана Татарина охватило множество событий и выросло в многоплановую и сложную картину, отразившую огромный и глубокий мир, наполненный реальными и вместе с тем удивительными событиями.

Прочитана книга, а как будто бы прожита целая жизнь. И хочется о многом подумать, испытываешь потребность во многом разобраться, осмотреться вокруг и, может быть, кое-что заново переоценить, принципиальнее и строже взглянуть на свои поступки и на поступки окружающих. Что ж, время от времени это стоит делать. Такая проверка собственного зрения на мир часто бывает очень полезна, а порой даже и необходима.

После того как прочитаешь по-настоящему хорошую книгу, долгое время находишься во власти автора. Можно переключить свое внимание на что-нибудь другое, даже заняться какими-то делами, а в сознании, помимо твоей воли, всплывают отдельные эпизоды и сцены, мысли и фразы, становится отчетливее истинный смысл повествования, проступает и делается очевидным то, что спрятано автором в подтекст и осталось не замеченным при первом чтении.

На вашей книжной полке уже выстроилось несколько одинаковых томиков, составляющих «Библиотеку приключений». Вероятно, не все читатели ожидали увидеть здесь роман В. Каверина «Два капитана» рядом с такими давно известными книгами, как «Дети капитана Гранта» Жюль Верна, «Робинзон Крузо» Даниеля Дефо, «Путешествие Гулливера» Джонатана Свифта, «Аэлита» и «Гиперболоид инженера Гарина» А. Н. Толстого.

Все это очень значительные и очень разные книги, хотя в каждой из них и рассказывается об удивительных приключениях, важных открытиях, мужественных и храбрых людях. Все эти, так сказать, «родовые черты» жанра приключенческого романа мы легко обнаружим и в «Двух капитанах» В. Каверина. Да, здесь есть и мучительные тайны, и счастливые совпадения, и удачные встречи, и неожиданные находки, и опасности, и победы, равно как и временные поражения, и даже пропавшие письма; цитируются различные дневники и документы; и герою приходится иметь дело с опасными и изворотливыми противниками, разоблачить которых невероятно трудно. И при всем этом отчетливо ощущается, что героям «Двух капитанов» и событиям, описанным в романе, тесно в рамках традиционного приключенческого сюжета,— границы книги

значительно шире, содержание глубже, чем в известных образцах этого жанра.

Как по-своему ни хороши, к примеру, «Три мушкетера» А. Дюма, давно признанные классическим образцом приключенческого романа, никому не придет в голову изучать по нему Францию XVII века, исторические события эпохи абсолютизма, людей того времени, хотя автором выведено немало подлинных исторических лиц. А. Дюма, как, впрочем, и другие авторы приключенческих романов, весьма вольно обращается с историческими фактами, ибо они ему нужны только для того, чтобы построить увлекательный сюжет. Его не беспокоит, верно ли, достаточно ли точно и полно изображена историческая эпоха. Можно заметить, что и иные авторы приключенческих романов не всегда обеспокоены глубиной психологических характеристик героев и реалистической полнотой и убедительностью изображаемых характеров. Несоизмеримо большее значение для них приобретают динамическое разворачивание сюжета, стремительный ритм повествования, драматическая напряженность описываемых событий.

Сопоставляя «Два капитана» с каноническими образцами приключенческого жанра, мы без труда обнаруживаем, что В. Каверин мастерски использует динамически напряженный сюжет для широкого реалистического повествования, в ходе которого два главных героя романа — Саня Григорьев и Катя Татаринова — с огромной искренностью и волнением рассказывают «о времени и о себе». Всевозможные приключения здесь отнюдь не самоцель, ибо не они определяют существо истории двух капитанов, — это лишь обстоятельства реальной биографии, положенной автором в основу романа, красноречиво свидетельствующие о том, что жизнь советских людей насыщена богатейшими событиями, что наше героическое время полно захватывающей романтики.

И заслуга писателя в том, что он, чутко уловив неиссякаемую тягу советской молодежи к романтическому и героическому в нашей жизни, ответил на это произведением, в котором героическое и романтическое предстают перед читателем как органические черты нашего времени, как реальное содержание биографий рядовых советских людей. И если для этого автору пришлось отдать определенную дань широко популярному приключенческому жанру, то нет абсолютно никаких оснований ставить ему это в вину уже по одному тому, что этим в значительной мере определяется то, что «Два капитана» принадлежат к числу самых занимательных, самых захватывающих книг в нашей советской литературе. По читательскому спросу, по тиражу изданий роман В. Каверина прочно занимает одно из первых мест среди произведений современной литературы.

Но, повторяем, занимательность сюжета — это лишь одно из достоинств романа и притом отнюдь не главное. «Два капитана» потому так по душе пришлись нашему читателю и особенно

молодежи, что каждый увидел в нем правдивую и увлекательную историю становления героического характера молодого человека советской эпохи.

Если бы какое-нибудь из наших издательств предприняло издание библиотеки «История молодого человека советского времени» наподобие той библиотеки, которая в 30-е годы издавалась по инициативе А. М. Горького и называлась «История молодого человека XIX века», то обойтись без «Двух капитанов» В. Каверина было бы невозможно. Саня Григорьев, естественно, встал бы в один ряд с Павкой Корчагиным, молодогвардейцами, Алексеем Мересьевым и другими. Вряд ли можно считать чистой случайностью то любопытное обстоятельство, что первым толчком к созданию «Двух капитанов» послужил спор о книге Николая Островского «Как закалялась сталь». Десять лет спустя после завершения работы над романом В. Каверин рассказал об этом так:

«В 1936 году в санатории под Ленинградом, где я отдыхал, зашла речь о романе Островского «Как закалялась сталь». Почтенный профессор — человек умный и образованный, но несколько старомодный — холодно отозвался о романе. Его собеседник, молодой ученый, горячо возразил ему, и меня изумило волнение, с которым он защищал любимую книгу: он побледнел, он не мог удержаться от резких выражений.

Спор этот глубоко заинтересовал меня — и не только потому, что я в ту пору задумал роман, посвященный истории советского молодого человека. Успех книги Островского поразил профессиональных писателей. Тема изумления перед возможностями, которые открывает в себе человек, новая для нашей литературы, была выражена в ней искренне и верно. Нетрудно было догадаться, что пылкий защитник Островского прочитал в его книге свою биографию.

Мы оказались за одним столиком. Он был сумрачен, утомлен, и мы разговорились не сразу. Но день ото дня наши отношения становились всё ближе. Это был человек, в котором горячность соединялась с прямотою, а упорство — с удивительной определенностью цели. Он умел добиться успеха в любом деле, будь то даже партия в карамболь, которым мы тогда увлекались. Ясный ум и способность к глубокому чувству были видны в каждом его суждении.

В течение шести вечеров он рассказал мне историю своей жизни — необыкновенную, потому что она была полна необыкновенных событий, и в то же время похожую на жизнь сотен других советских людей. Я слушал, потом стал записывать, и те сорок или пятьдесят страниц, которые тогда были записаны мною, легли в основу романа «Два капитана».

В этом весьма интересном признании автора особо хочется

обратить внимание на замечание о том, что жизнь человека, послужившего прототипом Сани Григорьева, была полна необыкновенных событий и в то же время похожа на жизнь сотен других советских людей.

Да, как бы ни казалась необычной жизнь Сани Григорьева, в основном и глазном она такая же, как и у сотен других советских людей. Саня живет теми же событиями, которыми жили люди его поколения; его характер формируется в ходе этих событий точно так же, как в ходе их формировались и характеры его сверстников. На его долю выпало быть участником многих наиболее значительных исторических событий минувших десятилетий. Тут ему, может быть, повезло больше, чем некоторым его сверстникам,— не всем довелось биться за свободу испанского народа, не все покоряли суровую Арктику. Но Саня Григорьев по праву занял свое, а не чужое место и среди отважных борцов против фашизма в Испании, ибо с детских лет он ощутил жаркую ненависть ко всякой несправедливости, подлости и нечисти, и среди героических советских полярников он очутился потому, что всю свою жизнь решил посвятить розыскам остатков экспедиции капитана Татаринова и восстановлению правды, так вероломно попранной отъявленным негодяем. Примечательна эта черта в характере героя романа — в общих делах у него всегда есть личный интерес, ибо общее и личное для него, как и для всякого сознательного строителя коммунизма, неразрывны. Сочетание личных интересов с общественными, а очень часто и подчинение личных интересов общественным для Сани Григорьева отнюдь не означает ущемление его личной свободы, наоборот — для него это означает полную свободу, счастливую возможность для достижения поставленных перед собой высоких целей, для полного расцвета личных способностей.

«Два капитана» — это, в сущности, роман о правде и счастье. В судьбе главного героя романа эти понятия неотделимы. Разумеется, Саня Григорьев много выигрывает в наших глазах оттого, что он за свою жизнь совершил немало подвигов — дрался в Испании против фашистов, летал над Арктикой, героически сражался на фронтах Великой Отечественной войны, за что награжден несколькими боевыми орденами. Но любопытно, что при всей своей исключительной настойчивости, редком трудолюбии, собранности и волевой целеустремленности капитан Григорьев не совершает исключительных подвигов, его грудь не украшает Звезда Героя, как того, вероятно, хотелось бы многим читателям и искренним поклонникам Сани. Он совершает такие подвиги, какие в состоянии совершить каждый советский человек, горячо любящий свою социалистическую Родину. Проигрывает ли от этого сколько-нибудь в наших глазах Саня Григорьев? Нет, конечно!

Нас покоряют в герое романа не только его поступки, но весь его

душевный склад, его героический по самой своей внутренней сути характер. Заметили ли вы, что о некоторых подвигах своего героя, совершенных им на фронте, писатель попросту умалчивает. Дело, конечно, не в количестве подвигов. Перед нами не столько отчаянно храбрый человек, этакий капитан «сорви-голова»,— перед нами прежде всего принципиальный", убежденный, идейный защитник правды, перед нами образ советского юноши, «*потрясенного идеей справедливости*», как указывает сам автор. И это главное в облике Сани Григорьева, что нас пленило в нем и с первой же встречи — еще тогда, когда мы ничего не знали о его участии в Великой Отечественной войне.

О том, что Саня Григорьев вырастет мужественным и храбрым человеком, мы уже знали, когда услышали мальчишескую клятву «Бороться и искать, найти и не сдаваться». Нас, конечно, на протяжении всего романа волнует вопрос о том, найдет ли главный герой следы капитана Татарина, восторжествует ли справедливость, но по-настоящему нас захватывает сам *процесс* достижения поставленной цели. Процесс этот труден и сложен, но тем-то и интересен и поучителен для нас.

Не истина в конечной инстанции, а процесс познания, открытия истины увлекает нас больше всего. Это великолепно заметил как-то знаменитый русский ученый и революционер Г. В. Плеханов в одном из «Писем к молодым товарищам», только еще вступавшим на путь революционной борьбы: «...если бы бог спросил современного социалиста,— желаешь ли ты, чтобы я немедленно, без всяких усилий со стороны страдающего человечества, даровал ему экономическое блаженство, то социалист ответил бы ему: творец, оставь блаженство себе, а страдающему и мыслящему человечеству, современному пролетариату, позволь освободиться собственными силами, дай ему возможность прийти к доступному для него счастью путем борьбы, развивающей его ум и возвышающей его нравственность. Завоеванное *такой* борьбой, его счастье будет не только несравненно полнее: оно будет также гораздо *прочнее*».

Для нас Саня Григорьев не был бы подлинным героем, если бы мы знали только о его подвигах и мало знали о становлении его характера. В судьбе героя романа важное значение для нас имеет и его трудное детство, и его смелые столкновения еще в школьные годы с подлецом и себялюбцем Ромашкой, с ловко маскирующимся карьеристом Николаем Антоновичем, и его чистая любовь к Кате Татариновой, и верность во что бы то ни стало благородной мальчишеской клятве. А как великолепно раскрывается целеустремленность и настойчивость в характере героя, когда мы шаг за шагом следим за тем, как он добивается осуществления намеченной цели — стать полярным летчиком, чтобы получить возможность летать в небе Арктики! Мы не можем пройти мимо его

страстного увлечения авиацией и полярными путешествиями, поглотившими Саню еще на школьной скамье. Потому Саня Григорьев и становится мужественным и храбрым человеком, что он ни на один день не упускает из поля зрения главной цели своей жизни.

Счастье завоевывается трудом, правда утверждается в борьбе — такой вывод можно сделать из всех жизненных испытаний, выпавших на долю Сани Григорьева. А их было, скажем прямо, немало. Едва кончилось беспризорничество, как начались столкновения с сильными и изворотливыми врагами. Иногда его постигали временные неудачи, которые очень больно приходилось переживать. Но сильные натуры от этого не сгибаются — они закаляются в суровых испытаниях.

Если задуматься над вопросом о том, что же помогло Сане Григорьеву довести до победы многолетнюю борьбу за честь капитана Татарина, то, вероятно, очень многие читатели ответят — непоколебимая вера в торжество правды. Это, конечно, верно, но главное в том, что герой не был одинок в своей борьбе за торжество правды и справедливости. И дело не только в том, что ему помогают друзья, — важно, что капитана Григорьева поддерживает все наше советское общество. Борясь с Николаем Антоновичем и с его воспитанником Ромашкой, Саня мог бы выразить свое отношение к ним словами Маяковского: «громады класса враг, он враг и мой». С главным героем романа — все здоровые силы нашего строя, ибо Николай Антонович и Ромашка, хитря и изворачиваясь, ловко маскируя свои подлые, корыстные цели, борются не только против Сани Григорьева, а вступают в единоборство со всем нашим обществом, и в этой борьбе они, конечно, обречены на поражение. Писатель не схематизирует борьбы здоровых сил советского общества против всего чуждого, враждебного нам, как это, к большому сожалению, многократно делалось в нашей литературе.

Могло ли так случиться, чтобы борьба капитана Григорьева не закончилась полным разоблачением надежно замаскировавшегося Николая Антоновича? Да, могло если рассматривать этот случай как единичный. Но если внимательно присмотреться к тому, на чьей же стороне право и сила в условиях советского общества, которое само базируется на правде и справедливости и всеми силами защищает эти принципы, то исход борьбы, описанный в романе, не может вызывать никаких сомнений. Но поскольку и в нашей среде существуют, хотя и ничтожные, возможности, которые наши враги очень ловко используют для временного торжества несправедливости, то особое значение приобретает та жизненная полнота и подлинно реалистическая убедительность в изображении сложной, многолетней и трудной борьбы главного героя романа. Писатель, с такой силой нарисовавший наполненную богатым содержанием жизнь Сани Григорьева, убеждает каждого из нас, что за торжество правды надо бороться с полным напряжением сил, не

отчаиваясь, когда тебя постигают временные неудачи, и не отступая перед трудностями. Ведь в этом смысл вдохновляющего девиза: «Бороться и искать, найти и не сдаваться».

Иной читатель может спросить: чем же все-таки конкретно помогло общество Сане Григорьеву в его борьбе с врагами? Ведь хорошие люди могли ему встретиться, а могли и не встретиться. Во-первых, хорошие люди не могли не встретиться и не помочь герою — они всюду окружают нас; а во-вторых, и это самое главное, — советское общество, наш общественный строй предоставили все возможности для полного расцвета личности, для осуществления заветных желаний Сани Григорьева. Разве при другом общественном строе могла бы так сложиться судьба сироты-беспризорника?

Саня Григорьев как мужественный и храбрый человек, как боец, беззаветно преданный высокой идее, мог сформироваться только в наших условиях, и это превосходно показано в романе. Юноша растет в обстановке, которая день за днем выдвигает перед ним высокие образцы мужества, благородства, отваги. Вспомните, как захватывают его и смелые полеты в стратосферу, и легендарная эпопея челюскинцев, и богатырские подвиги Чкалова. А сколько окружает Саню благородных и мужественных людей, готовых всегда поддержать его! Такая атмосфера, такая среда существует только в социалистическом мире.

Капитан Григорьев нашел свое счастье в борьбе, он добился торжества правды. Но к правде и счастью пришел не один он, этого добились и его друзья — Петя Сквородников, Валя Жуков и Катя Татарина. Все они надолго запоминаются, ибо это живые герои, наделенные сложными и поучительными судьбами.

Главный герой романа «Два капитана» давно уже шагнул со страниц книги в жизнь. Его как близкого друга, у которого многому можно поучиться, ощущают миллионы советских и зарубежных читателей.

В одной из своих бесед с юными читателями В. Каверин рассказывал, что он получает множество писем, в которых корреспонденты делятся своими впечатлениями от романа, говоря, что они закрывают книгу с чувством бодрости, энергии, думая о пользе, которую они могут принести отчизне.